

Э.С. Русинова

Воспоминания о XXV Международном конгрессе востоковедов (1960 г.)

XXV Международный конгресс востоковедов, состоявшийся в Москве с 9 по 16 августа 1960 г., был знаменательным событием в истории отечественного востоковедения. Начиная с 1873 г., когда состоялся I конгресс в Париже, лишь в 1876 г. Россия удостоивалась чести принимать ученых-ориенталистов. Долгие годы наши востоковеды не имели возможности общаться с зарубежными коллегами. Едва ли не впервые за годы советской власти наша делегация в 1954 г. принимала участие в конгрессе, состоявшемся в Кембридже, где, в частности, с докладом о документах из раскопок в Туркмении древней Нисы — столицы Парфянского царства — выступил Игорь Михайлович Дьяконов, доклад которого произвел большой научный резонанс. Позднее Игорь Михайлович участвовал в различных международных конгрессах, в т.ч. в XXIV конгрессе в Мюнхене, где было принято решение о проведении следующего конгресса востоковедов в СССР. Естественно, что Игорю Михайловичу, обладавшему большим научным авторитетом и опытом участия в конгрессах, была поручена организация XXV конгресса. «Дела оказалось неожиданно много, — писал Игорь Михайлович в „Книге воспоминаний“, — потому что за нашей работой следил ЦК партии, мы должны были подавать ежедневные отчеты о работе с указанием, сколько поступило заявок, сколько взято назад». Президентом оргкомитета был назначен член ЦК партии директор Института востоковедения (Москва) член-корр. АН Б.Г. Гафуров, так как Игорь Михайлович, будучи беспартийным, не мог занимать столь высокий пост. Фактически Игорь Михайлович являлся ответственным секретарем, а в зарубежной корреспонденции именовался «General Secretary».

Предполагалось провести конгресс в Ленинграде. Из числа сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения в помощь Дьяконову необходимо было выделить кого-нибудь, в сносной мере владеющего иностранными языками и умеющего печатать на машинке (увы, компьютеров тогда и в помине не было). В маленьком помещении нашего Института, где работали сотрудники и ученики Игоря Михайловича из Сектора Древнего Востока, были поставлены еще один письменный стол и сейф, и работа началась.

Прежде всего необходимо было составить картотеку востоковедов, как зарубежных, так и отечественных. Генеральный секретарь XXIV Мюнхенского конгресса востоковедов Г. Франке любезно предоставил картотеку участников этого конгресса. Пришлось переписать на карточки всех ученых, принимавших участие по крайней мере в двух предыдущих конгрессах, затем по наиболее распространенным периодическим изданиям, нашим и зарубежным, дополнить эту картотеку, которая в результате составила более семи тысяч адресов. В первом разосланном по этим адресам циркуляре сообщалось о месте и дате проведения конгресса и финансовых условиях

участия. Не обошлось и без курьезов. Помню одно ядовитое письмо-ответ родственных давно почившего адресата. Когда все ответы поступили в оргкомитет, выяснилось, что количество желающих приехать в Ленинград значительно превышает все возможности наших гостиниц. Подсчитали все по тогдашней терминологии «койкоместа» и пришли к выводу, что конгресс следует перевести в Москву. Даже смелое предложение поставить в устье Невы большой лайнер и разместить на нем делегатов было с негодованием отвергнуто высшими инстанциями. Итак, число участников приближалось к двум тысячам, не считая делегатов без докладов, членов семей и наблюдателей.

Следующий циркуляр извещал о перемене места проведения конгресса. Игорь Михайлович определил количество секций с учетом интересов не только зарубежных ученых, но и востоковедов республик Средней Азии и Кавказа. Их оказалось двадцать. Впервые за все время проведения международных конгрессов востоковедов была создана отдельная секция по афганистике, шире была представлена африканистика. Нужно было избрать авторитетного ученого для руководства каждой секцией, который также мог бы взять на себя часть работы по согласованию тематики докладов и другие административные хлопоты. Вскоре после переноса работы конгресса в Москву состоялось большое заседание оргкомитета с участием ведущих отечественных ученых. Это заседание проходило очень бурно, сталкивались амбиции, научные и ненаучные интересы, утверждение председателей секций проходило в напряженной атмосфере. Когда мы вышли из зала, где еще продолжали кипеть страсти, Игорь Михайлович спросил о моем впечатлении. Я ответила, что поражена шумными и темпераментными выступлениями и нежеланием решать вопросы по существу. «Это Ваше первое прикосновение к этой стороне науки», — заметил Игорь Михайлович. «А вообще-то, — пошутил он, — сам выбор профессии предусматривает некоторое отклонение от нормы».

Несмотря на перенос места проведения, вся переписка по-прежнему проходила в основном через маленькое помещение, которое коллеги окрестили «штаб-квартирой конгресса». Обычно, получив почту, я вскрывала только ту корреспонденцию, которая адресовалась в оргкомитет, письма на имя Дьяконова вскрывал он сам. Затем я получала указания, что ответить, набрасывала черновик и показывала Игорю Михайловичу. Получив одобрение, перепечатывала черновик на машинке, давала на подпись Игорю Михайловичу, отсылала по адресу. Каждый день рассылалось огромное количество писем. Я получала под расписку марки и конверты с грифом конгресса, поэтому пришлось завести журнал, куда каждый день записывалась отправляемая почта.

Благодаря способности Игоря Михайловича Дьяконова четко организовать деятельность всех структур (а со временем почти все сотрудники Московского института востоковедения и Ленинградского отделения этого Института оказались в той или иной мере вовлеченными в подготовку конгресса) работа успешно продвигалась.

На одном из последних этапов, когда были собраны почти все заявки с тематикой докладов и тексты всех отечественных докладов, было решено сделать перевод наших сообщений на один из западноевропейских языков. Игорь Михайлович считал, что это будет способствовать авторитету отечественной науки. Началась работа по переводу докладов на английский, немецкий и французский языки. Поиски достойных и квалифицированных переводчиков были сложными. От них требовалось не только владение языком, но и понимание специфики востоковедения. Помню множество переводчиков, которые появлялись в нашем «штабе», разного возраста, рода занятий и квалификации. Получив доклад, они пытались сделать перевод, который тут же просматривал Игорь Михайлович и, как правило, вежливо их отвергал. Наконец,

два-три человека справились с этой сложной работой. Но так как работы становилось все больше, то Игорь Михайлович сам редактировал только английские переводы, немецкие были переданы сотрудницам Игоря Михайловича по Сектору Древнего Востока: Ирине Михайловне Дунаевской, свободно владевшей немецким, и Анаит Георгиевне Периханян, блестящему знатоку французского.

Наконец наступил август. Незадолго до отъезда мы с Игорем Михайловичем на полу его кабинета разложили «пасьянс» из карточек с фамилиями докладчиков, темами докладов и названиями секций. Задача заключалась в том, чтобы ученые могли посещать заседания не только своей секции, но и все смежные или интересующие их по тематике сообщения. Тогда меня поразила память Игоря Михайловича, его знание всех отраслей востоковедения, широкая осведомленность в научной проблематике работ коллег.

Открытие конгресса приближалось. ЦК партии поручил А.И. Микояну от имени правительства выступить на первом заседании.

Накануне открытия на перрон Ленинградского вокзала в Москве высадили «де-сант» ленинградских востоковедов. Мне было поручено их встретить и разместить в гостиницах, где были заблаговременно забронированы номера. Оказалось, что все номера были уже сданы. Положение становилось безвыходным. И тогда удалось договориться с администрацией Московского университета и разместить всех в общежитии на Воробьевых горах, так как у студентов были каникулы. Это было очень удобно, поскольку все заседания проходили там же, на Воробьевых горах, в зданиях различных факультетов. Кроме того, от здания университета регулярно ходили специальные автобусы в центр Москвы, на их лобовом стекле красовалась эмблема конгресса.

Во время проведения конгресса в оргкомитете было организовано постоянное дежурство. Делегаты могли получить всю интересующую их информацию. Многие посольства восточных стран устроили приемы в честь конгрессменов. Очень интересной была и культурная программа, дававшая всем возможность познакомиться с Москвой, ее театрами, музеями, совершить экскурсию в пригороды. Состоялись также поездки в Ленинград, республики Закавказья и Средней Азии. С успехом прошли концерт с участием артистов республик Советского Востока и вечер устного эпоса народов республик СССР. В фойе перед актовым залом была развернута большая выставка, посвященная народам Кавказа и Средней Азии.

Конгресс благополучно подходил к концу, когда неожиданно Игорь Михайлович свалился с тяжелым приступом аппендицита. Он пожелал оперироваться в Ленинграде. В самолете его близкие помощники записывали с его слов, с кем и о чем еще следует договориться, что кому было обещано и прочее, так как Игорь Михайлович не вел никаких записей — вся информация хранилась в голове.

На XXV конгрессе были делегации из 48 стран, в том числе большие делегации из стран Азии и Африки. Делегация СССР, естественно, была самой многочисленной: 525 человек, которые представляли 30 национальностей, 12 союзных, 12 автономных областей и республик СССР. Больше 100 ученых прибыло из США, также много востоковедов представляло науку Германии, Японии, Венгрии, Италии, Индии, Китая, Монголии, Вьетнама и других стран. По уставу, при закрытии конгресса нужно было определить дату и место проведения следующего конгресса. После долгих и трудных переговоров была выбрана Индия, Нью-Дели. На заключительном заседании Б.Г. Гафуров подвел итоги конгресса, отметив большой успех и хорошую организацию работы. Председатель Международной ассоциации востоковедов норвежский ученый Г. Моргенштерне сказал: «Я хочу принести глубокую благодарность нашим хозяевам за блестящую организацию конгресса. Мы все были очень рады встретить

здесь советских коллег. Нам доставила огромную радость возможность увидеть многих советских ученых, с которыми мы переписывались, посылали друг другу книги. Здесь же мы могли познакомиться с ними лично и установить личные контакты». Конгресс завершился роскошным приемом в Кремле.

Издательство восточной литературы (Москва) не только отпечатало к конгрессу все тексты представленных докладов, но и издало в пяти томах «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», где были опубликованы полные тексты докладов, переданные организационному комитету.

Может показаться, что в моих воспоминаниях о конгрессе слишком много внимания уделено фигуре его генерального секретаря, но те, кто еще помнит этот конгресс, не будут отрицать, что И.М. Дьяконов был главным действующим лицом, основной пружиной этого мероприятия. Обладая уникальной памятью, огромной эрудицией, незаурядными организаторскими способностями, личным обаянием и гигантским научным авторитетом, он смог наладить работу так, что все прошло прекрасно, без срывов и нестыковок, и навсегда остался в памяти тех, кто имел счастье принимать участие в этом незабываемом конгрессе.

XXV Международный конгресс востоковедов способствовал развитию науки, обмену важной информацией и ввел отечественное востоковедение в русло мировой ориенталистики.

Summary

E.S. Roussinova

The 25th International Congress of Orientalists

The Twenty-Fifth International Congress of Orientalists took place in Moscow (9–16 August, 1960), at the Moscow University with the attendance of over 2000 participants and a number of observers. The scholars from 48 countries were represented but, naturally, the majority of the delegates were from the USSR. Meetings were held in 20 sections. There were productive discussions of the reports and exchange of views. The texts of abstracts of the papers were published in full in 5 volumes. There were also a varied series of receptions, concerts and tours of which the high point was the reception given by the Government at the Kremlin. The extensive organisation required to accommodate a very large number of visiting scholars; it was ably handled and deserved the gratitude of Orientalists for hosting the Congress so successfully. At the conclusion of the session, all delegates noted that the Congress was a demonstration of the superiority of collegial collaboration and it reintroduced Soviet Orientalism into the international academic community.